

Дмитрий Борк

ЧЁРНЫЙ ЛЕС

МИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

18+

Дмитрий Борк

Черный Лес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65901897

SelfPub; 2022

Аннотация

«Черный лес» – мистический роман, осмысление точки Икс, когда мы сделали свой главный выбор в жизни, точка невозврата сложившейся судьбы. Человека всегда мучает вопрос, а что если... Был ли шанс прожить иначе? Человек зачастую недоволен судьбой, юношеский максимализм, взлеты и падения, происходящее сейчас кажется серым, и вот-вот утонешь в злостной рутине. Когда я был счастлив? Тогда или сейчас? Эта история касается каждого из нас, кто ежеминутно делает свой выбор. Любовь, гармония, добро, мудрость – ничто не исчезает и не пропадает бесследно. Впечатления из детства, события из жизни главного героя мистическим образом переплетаются с экскурсом в прошлое. Здесь есть переживания и попытка осознания себя и можно попасть к волкам в стаю, в военное прошлое деда и проснуться в счастливой реальности через точку Икс. Пробуждаемся мы или наша совесть, или душа, или рассуждения зрелого человека вплескиваются через край? Этого ли я хотел? Об этом моя первая книга.

Содержание

Часть первая. Точка Икс	4
Пролог	5
Глава 1. Тот самый жуткий Шварцвальд	19
Глава 2. Полно сюрпризов	29
Глава 3. Отправная точка	39
Глава 4. Шансы не имеют постоянства	47
Глава 5. Правильный бармен	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Дмитрий Борк Черный Лес

Часть первая. Точка Икс

*Господь, как правило, дает нам два выбора, один
верный, другой мы делаем сами.*

Пролог

Маленький голубоглазый мальчик проходил мимо него каждое утро. И каждое утро в этом коротком переулке, где много покосившихся домов, пес грел свою подстилку возле обшарпанных ворот. Старый седой большой кабель, непонятно какой породы, уже почти не видел, однако чуткий нюх еще его не подводил. И слух! Слух тоже был хороший. По ритму шага он задолго мог определить того, кто мимо торопился утром на работу, а вечером спешил к себе домой.

Когда-то он был молодым и сильным и службу нес исправно. Хозяина любил, был ему предан. А тот за схожесть с волком дал ему кличку Вольф. Но нынче Вольф был уже стар, немного болен и очень одинок. Каждое утро пожилая женщина выводила его за ворота дома, привязывала тонкой веревкой к дереву, заполняла миски едой и водой и оставляла его одного до самого вечера. А Вольф, как и положено собаке, послушно ложился на худую подстилку и грустными глазами наблюдал за этим узким миром.

Этот короткий переулок, где он прожил всю свою жизнь, соединял пару жилых дворов с проспектом. Через него бежали дети в школу, их мамы в гастроном, а малышей в детсад водили.

Нестройный ряд косых домов стоит еще с войны. И люди в этих маленьких лачужках давно и счастливо живут. У них скрипучие железные кровати и деревянные столы, настенные в оленях гобелены и тяжеленные шкафы. На кухнях старый ручной мойник, а в полотенцах ржаной хлеб. И радио

как фон по вечерам. И тени от свечей. И сказки на ночь для детей читают. Про черный лес, про девочку и волка.

Маленькому мальчику мама тоже читала такие книжки. А он рисовал в своем воображении старого пса героем этих сказок. И представлял его сильным и молодым, честным и справедливым. Нет, Красную Шапочку Вольф не обижал. Он ловко обманывал злых и кровожадных охотников, которые решили почему-то, что волков можно убивать. Пес ловко заманивал их в лесную глушь, в вонючее болото на погибель. Воображение живо рисовало, как сильный Вольф бежит по лесу, а он с ним рядом. И они вместе живут в норе и пьют из речки воду. Вдвоем охотятся на кабанов и зайцев. И так будет всегда. Их дружба будет вечной.

И каждый вечер мальчик приходил, подсаживался рядом к старичку и начинал наивный детский разговор. О чём-то о своем большом и очень важном. О той злой воспитательнице в детсаду, которая так часто за уши таскает. О том, что жалуется она маме на него и дома ему очень попадает. О том, что папину большую лупу он глупо променял на жалкую игрушку. Игрушку тут же потерял. Опять ему досталось. О том, что как-то раз он вытер грязные ладошки чистой соседской простыней. Три долгих дня его гулять не выпускали. О том, что хомячок давно уж помер, а завести собаку не дают. О том, что тырит с кухни он конфеты и потихонечку к нему несет. Седому псу, старику Вольфу с зелеными и грустными глазами.

А Вольф каждый раз вставал ему навстречу, вилял хвостом и очень внимательно слушал. И по его мудрому взгляду маленький мальчик своей прозрачной душой очень остро ощущал, что псу очень важно всё то, о чём он ему поведал. Седой пес не просто слушает – он внимает, он всей душой переживает и ждет с ним встречи каждый раз. Он сам готов ему поведать историю своей собачьей жизни.

Так продолжалось пару лет. Мальчик каждое утро шел переулком в детский сад, где по пути встречался с другом ненадолго. Тот ждал, вилял хвостом, ласкался. Ждал следующей встречи.

Однажды вечером мальчик решился отвязать Вольфа от дерева и увести его с собой, в свой двор, где к ним сбежала детвора. Все дети знали и любили Вольфа, но никто из них не решался привести его во двор. На тот короткий вечер маленький мальчик стал героем. Жаль, только что родители не разрешат ему оставить пса, да и хозяева, наверно, могли того хватиться.

И мальчик с тихой грустью привел его назад и привязал опять веревкой. А Вольф, казалось, понимал, что выбора другого нет. Присел у дерева и заглянул в глаза мальчишке, как будто одобряя. Но мальчик не ушел, остался. И еще долго с Вольфом обнимался, и прижимался к его огромной шее. Так и сидели молча, и каждый думал о своем.

Как и его друг, когда-то Вольф был маленьким щенком. И мать его жила в хорошей крепкой стае, которая дневала

на большой стройке, где было невероятное множество так нужных для собак укрытий. Именно в них вся стая отдыхала после своих бесчисленных походов и в них же укрывались от людей.

Группа была небольшая – всего из четырех собак. Вожак, восьмилетний и самый крупный кобель, был серой масти и несомненный лидер. Вторым по рангу рыжий пятилетка, хоть не большой, не очень крепкий, однако же с характером и волей. Затем шел молодой лайкоид, трехлетка со стоячими ушами. Ну и единственная в стае сука, его мать. Большая серая, лохматая и очень добрая. Дружила она с каждым, ну а любила только одного. Серого вожака. И с радостью его всегда встречала, когда он приходил с охоты.

Жизнь этой стаи протекала мирно и спокойно. Местные работяги таскали часто им еду и не давали обижать другим. Недалеко от стройки был мясокомбинат, с которого несло всегда так вкусно. Стая смогла себе отбить часть территории у баков, где можно было добывать костей ошметки. Всё было славно. И лето было долгим, и схватки с чужаками не так часты, и злые люди не встречались им давно. Но однажды на площадке показались начальники в плащах и шляпах. И стая им пришлось не по душе.

Прогнал бугор их следующим днем. Не дал он им на лежище вернуться. А тут еще пришла пора щениться, и сука присмотрела себе место. В подвале склада на заводе, где было сыро, но тепло. Место закрытое, место безлюдное, а зна-

чит, безопасное почти. Только вот стая не осталась, ушла она на поиски иных пристанищ. Оставила ее одну всего с одним родившимся щеночком. И неизвестно что с ней стало, но местный сторож был добряк. Не выгнал малое семейство. Напротив, в каждое дежурство он приносил им хлеба, часто каши и иногда костей. И подливал воды.

Худая мать каждое утро покидала убежище и отправлялась на поиски жратвы. Совсем недалеко стояла школа, в дальнем крыле которой находилась столовая. Там сердобольная кухарка часто подкармливала ее остатками еды. И всё бы хорошо, да только вот подход к столовой был небезопасным. Школьники, эти бездушные дети выбрали собаку целью в своих жестоких играх. Зная ее добрый характер, они устраивали ей засады, обстреливали из рогаток и самострелов, гонялись с палками за ней, частенько камнями в нее швырялись. Но других источников пропитания молодая мать пока не находила и продолжала ежедневно рисковать.

А добрый дядька-сторож вечерами отмывал с нее засохшую кровь, залечивал ей раны. И перебитый глаз, и порванное ухо. Как мог ее лечил, как мог ее берег. Но всё-таки однажды собака не вернулась. Прождав всю ночь, он рано утром отправился на ее поиски.

Обошел все ближние переулки и дворы, заглядывал в открытые подвалы, опрашивал прохожих, громко звал. Всё бесполезно, мать исчезла. И может быть, за нею щенок бы тоже сгинул от голода или колёс машин. Но добрый дядька

не ушел, не бросил это маленькое чудо. Вернулся и забрал его домой. Так получил малыш свой главный в жизни шанс. Выжить!

А славный мужичок жил одиноко в своем доме с кошкой. Хижина была маленькая, но уютная. Он когда-то сам ее построил. Давным-давно еще после войны, когда вернулся из мест не столь уж отдаленных. Жена не дождалась, ушла к другому. Друзей особо не завел, а из родни одна сестра, младшая, которая жила отдельно, но часто приходила помогать. Чтоб не запить, он смог найти себе работу. Шофер грузовика на местной автобазе. Работа нравилась ему, сидишь себе молчишь, баранку крутишь днями. А вечером домой под голос радио поесть, да Мурку покормить и спать в постель. Так проходили будни и недели. И месяцы, и годы. Без радостей, но и без огорчений.

Одно спасение – рыбалка. Рыбачить с детства он любил. А так как жил он очень скромно, не тратился особо на еду, одежду мог носить годами, то смог скопить на старый «запорожец». Творенье украинского завода, как и положено ему, ломалось часто. Но выручал механик с автобазы. Он за бутылку бормотухи всегда его чинил. На этой тарактелке он на рыбалку выезжал по выходным.

Бурная речка сбегала с недалеких гор. Он приезжал еще затемно на пару своих мест, своих стоянок. Медленно выползал из маленькой машины, лез за удилом, вещмешком, палаткой. Шел к речке, к камню своему. Садился и курил

махорку. Иногда в холодные утренние часы он разводил костер и грелся черным чаем.

Клёв был хороший рано утром на мелководье. Ловля форели на блесну требовала от него особой сноровки. Русло реки изобиловало камнями, а по берегам росли колючие кустарники и низкие деревья. Они мешали ему двигаться по берегу при ловле, но он приноровился делать заброс в те тихие места, что были за большими валунами.

Форель шла мелкая до килограмма. Но иногда клевала и побольше, на три, однажды и на пять. И очень вкусная. Натаскав к полудню несколько штук, он принимался за готовку. Уху сторож варил всегда по-своему, подолгу. Рецепт — всё наоборот. Первым он готовил бульон, на приготовление которого у него уходило почти что час, и только потом он добавлял картошку целым клубнем, а позже и морковь, которую он не разваривал, а оставлял полуварёной, чуток еще хрустящей. И уже под самый конец докладывал луковицу и доливал сто граммов водки. А перед самым снятием с костра шла в ход и мелкая петрушка. Минут на двадцать пять он прятал казанок в тени, в укромное местечко и шел рубить кустарник на дрова. Для своего вечернего костра.

После обеда, когда солнце вставало в самый зенит, его ко сну морило. Сказывался и ранний подъем, и свежий горный воздух. После глубокого сна по его неписаному правилу наступало время обустройства лагеря. Установить палатку в кустах подальше от злых глаз. Приготовить ко сну спаль-

ный мешок, который он выменял у прапорщика-соседа всего лишь за бутылку водки. Принести воды с речки, выложить консервы и буханку хлеба. Всё это делал он неторопливо, размеренно и педантично. Так приближалось время для второй рыбалки, улов которой он утром забирал домой.

Шло время, жизнь не менялась. Работа, дом и иногда рыбалка. Когда же тихо пенсия подкралась, его уволили с работы, и денег стало не хватать. Но повезло, нашел себе он подработку. Ночные вахты. Работа нравилась ему, сидишь себе молчишь, читаешь газетенку. Всё как всегда. Но только вскоре появилась сука, которая в подвале ощенилась. А через пару месяцев исчезла, оставив беззащитного щенка. Так в его жизни появился друг, которого назвал он почему-то Вольфом.

Годы летели быстро. Вольф не только успел подрасти и превратиться в большого пса, но и уже немного постареть. Старик его любил. И за все годы никогда не обижал. А вечерами звал на кухню, чтоб вместе помолчать, подумать. Под звуки радио, он телевизор не любил. Любил он книги, которые для Вольфа читал не очень часто вслух. Тот с интересом слушал голос старика, который по своей природе был молчун. А еще пес охранял кур, которых завел себе пенсионер, ловил крыс, которые повадились ходить к нему во двор, и очень он боялся Мурку, которая часто норовила съездить в его морду лапой.

Хозяин брал его с собой на все свои дежурства, и Вольф

исправно помогал – то пацанву прогонит, то хулиганов пьяных, а то чужих собак. Но больше всего пес обожал ходить с хозяином на рыбалку, где были не только свобода и простор, но и азарт охоты. Погоня за тушканчиками часто была короткой, но зато очень интересной! А однажды к нему случайно вышла рыжая лиса, которая бежала по своим делам. Вольф тут же сделал с места старт и в три прыжка с ней оказался рядом. Но бестия не растерялась. Одно движение хвоста и холка вниз, согнулись ноги, и рыжая присела. Вольф промахнулся. Он в холодной речке.

Лапы поранились о камни, а сильное течение понесло. Удар о камни, еще один и морда под водой, сознание медленно уходит. Воздуха мало. Сил всё меньше. Вольф тонет, погибает, но чья-то крепкая рука хватает за ошейник. И тащит, тащит тяжело на берег. Хозяин оказался рядом, вовремя успел спасти родного пса. То был большой урок про хитрость против силы. И больше пес с лисицей особой встречи не искал. Но по ночам лежал он у палатки и верно охранял. От тех же лис, волков и даже ядовитых змей.

И вот как-то в середине холодной зимы хозяин взял его с собой на водохранилище. Подледная рыбалка в их краях не так уж часто выпадает. К утру приехали на большое озеро, где уже было много рыбаков. Старик ушел подальше от людей, на середину водоема. Поставил ящик, расстелил подстилку и снасти разложил. Затем пробил он пару лунок, и хлынула вода.

Вольф испугался и напрягся, однако же старик остался. Немного треснул лед, бывает. Но клёва не было. Рыбак прошел еще чуть дальше и сделал снова лунку. И из нее пошел поток, а лед стал быстро прогибаться. Старик торопливо смотал удочку, встал, схватил ящик и... увидел вокруг себя кольцевые линии трещин. Они росли вокруг него как паутина.

Опасность!

Еще секунда – провалился. Ушел под лед по пояс, успев руками ухватиться за кромку льда. Но трескалась она. От ледяной воды намокшая одежда тянула якорем на дно. Вольф тут же подбежал, стал гавкать и скулить. Хозяин с отчаянием и молча боролся за свою жизнь, он понимал, что шансов было мало. Вольф нарезал круги вокруг проруби и лаял. Но никто не слышал. Никто на помощь не пришел. И он каким-то чудом понял, что этим он помочь не сможет. Его круги вокруг становились все больше и больше, и в конце концов он с лаем ринулся обратно, туда, где люди, где рыбаки сидели.

Тяжелого и уже плохо дышавшего старика смогли вытащить только через полчаса. И первое, что он спросил, когда пришел в себя: «Где Вольф? Он жив, с ним всё в порядке?»

Больше на рыбалки им вместе выходить не довелось. Тем вечером в их доме появились люди и на носилках старика куда-то увезли.

Два дня Вольф одиноко сидел в будке во дворе. Предчувствуя беду, он выл. Выл горестно, протяжно. И днем, и но-

чью. А через пару дней пришла хозяйина сестра и поселилась в доме. Одна. И навсегда. И Вольф хозяйина больше не видел. Пришла тоска навечно.

Первые три дня он отказывался и от еды, и от воды. Но жажда победила, и голод тоже свое взял. И всё же Вольф ел очень мало, вел себя вяло и худел. Он медленно, но, верно, увядал. Таким худеющим унылым он и встретил того маленького мальчика, который полюбил его. А он взаимностью ответил. И это дало силы дальше жить.

Шло время, маленький мальчик подрастал и как-то раз с гордостью рассказал псу, что перешел из младшей группы в среднюю, из средней в старшую, а теперь вот идет в подготовительную. Еще немного подрастет и в школу, наконец, пойдет.

Вольф зажмурился и молча посмотрел ему в глаза вопросом – зачем? Зачем куда-то торопиться?

Но однажды утром мальчик не встретил своего друга. И на второй день Вольф не ждал у дерева. И на третий. И каждый раз, когда мама вела мальчика в детский садик, он замедлял ход возле тех серых ворот покосившегося дома. Тоска охватила мальчика, и он впервые в жизни испытал провал в душе, который именуется печалью.

Так длилось долго. Всю слякотную зиму. Пса не было нигде, его единственного друга. Как-то раз мальчик вырвал свою ладошку из маминых рук, подбежал к воротам и стал по ним стучать, что было сил. Но нет, не открывал никто. Си-

ленок не хватало в маленьких ладошках, чтобы тот важный стук услышал кто-то в доме. И мама промолчала, ей нечего ответить на этот грустный взгляд-вопрос.

Мальчик присел и с дерева веревку снял. Витая желтая веревка ему была важнее ремня. Темно-зеленого ремня, что подарил ему отец совсем недавно. Он протянул ее сквозь шорты и завязал узлом.

Пришла весна и солнце вышло. И мальчик с мамой, как всегда, в то утро шел тем переулком. И вдруг открытый створ увидел он в воротах.

Пустой периметр чужой калитки перехватил его дыхание. Он подбежал и очень осторожно переступил порог ворот. Вокруг всё тихо, вокруг всё пусто. Грязь во дворе, за сеткой куры, на будке кошка разлеглась. Он сделал шаг вперед в надежде Вольфа увидеть в той старой будке, что в углу стояла.

Но, к горести его она была пуста. Дырявая подстилка, в стенах щели, да запах Вольфа она еще в себе хранила. А друга нет. Его не стало.

Присел, ладошками прижал глаза и попытался не заплакать.

Впервые в жизни понял он тогда, что и друзей теряют иногда. Верные псы уходят в никуда. На Радугу красивую, кривую. Седой и мудрый волк или пес, с зелеными и грустными глазами, к которому он вечерами прибегал, которого и гладил, и ласкал. Который слушал и давал советы. Теперь остался он один. Без друга, без своей собаки. Он больше не

хотел другого пса. Он сделал выбор в пользу старика, собаки-волка – седого Вольфа. Первого в жизни друга, который с Радуги теперь ему будет и Ангел, и Хранитель. И в памяти мальчишки теперь он вечно будет жить.

Глава 1. Тот самый жуткий Шварцвальд

Одинокий заброшенный монастырь среди мрачных и густых деревьев в самом сердце Шварцвальда. Стены серые, окна дырами, кусты, лишайники вокруг. Я притормозил, машина встала. Худая и ухабистая дорога закончилась, тупо уткнувшись в стену старой постройки.

«Не развернусь! – медленно дошло до меня. – А если задним ходом с горки? Да нет, так километра два придется ехать».

Я еще раз внимательно огляделся.

«А мне точно надо сюда? – спросил себя опять. – Может, я чего-то напутал?»

Визуальная картинка никак не хотела совмещаться с привычным алгоритмом моей работы. Я полез в папку с бумагами. Заявка: имена двух дам, адрес, дата, время, машина «мерседес» S-класса. Всё совпадает, мне сюда.

«Приезжайте за нами вечером, Борис. Переночуете у нас, а рано утром мы отправимся в аэропорт», – выдала мне память телефонный разговор с клиенткой. Однако же по смыслу разговора «у нас» – это когда у нас, то есть в отеле. А где тут отель? В радиусе сорока километров ни души. Лес да лес вокруг готических развалин. Может, это у человека юмор такой? А уточнить уже нельзя – связь умерла минут

сорок назад, в последней деревушке.

Я вышел из машины и достал сигарету. И тут причудливой волной от стен монастыря доплыли звуки до меня на тему «Хари Кришна». Я обмер и не закурил. Бесовщина какая-то, мозг тщетно пытался сложить картинку воедино: лес, заброшенный готический монастырь и песнопения каких-то сутр восточных. Голоса доносились чистые и только женские. «Вот те на...» – подумал я, и осторожно вошел в храм.

Внутри было мрачно, пусто, сыро и зябко. «Потеря времени с пространством давно хозяйничают здесь, – мозг выдал мне подсказку и тут же дал сигнал: – Пора мне уезжать, а то совсем стемнеет». Но любопытство, как всегда, мой разум за ремень заткнуло, и я медленно пошел на голоса сирен.

Живой звук вокала, который я так люблю, заполнял полукруглое помещение с высоким потолком и узкими мозаичными окнами. В центре сидя вокруг на коленях, были женщины разного возраста. Их было немного, с десятков, но все они, как в зеркале, качались в такт, плавно растягивая звуки на каком-то тарабарском языке. Все до единой улыбнулись мне и синхронным жестом пригласили присесть рядом. Мурашки на моей коже стали поочередно просыпаться.

– Guten Abend! – услышал я за своей спиной и подпрыгнул от неожиданности.

В шаге от меня стояла не совсем молодая женщина, чья доброта лица, казалось, говорила: «Я призвана тебе помочь, родимый, ты только попроси». И ласково мне улыбаясь, она

спросила:

– Чем я могу помочь?

Я растерялся – как ей одним лишь словом объяснить, зачем я тут и почему так поздно? Но попытаться было надо.

– Да-да, у нас бесплатно вы сможете найти себе приют на эту ночь, – и добрая женщина открыла мне дверь в холодную казарму, в которой, похоже, хранились мои два года, которые я в армии служил: штук двадцать койко-мест и тумбочки меж ними, всё параллельно и синхронно – коврики, подушки, табуреты. Вдоль стенки зеркала – подшить воротнички? А вместо шкафа – просто ниша. Для шинелей?

Хоть двадцать лет давно прошло, а память выдала вживую: «Рота подъём!» – забег в туалет и построение на плацу в одном ПэШа, да на морозе. Я взглядом стал искать портянки, тапочки и сапоги. Наверное, там где-то под кроватью?

– Тля буду, – я промычал недобро, – уж сколько лет прошло, а хоть сейчас в ружье и штыковую.

– *Wie bitte haben Sie gesagt?* – испуганно выпучила на меня глаза добрейшая из женщин во всём Черном лесу.

– *Nein, nein, Entschuldigen Sie bitte,* – я испугался, что она меня поймет.

– Вы только извините, – продолжила вся «доброта», – у нас на ужин лишь хлеб, вода и пара шоколадок. Да, вот еще, две ваши девушки сейчас у Гуру, лично на приеме. Вам надо их немного подождать.

– Как девушки мои у Гуру? И лично, на каком приеме? – оторопев, на автомате я повторил за ней слова.

– Да-да, Он уже здесь, – произнесла она и глазки закатила. – Вы тоже лично с ним хотите пообщаться? Понимаю-понимаю. Вы готовы? Он примет нас сегодня всех, вы только сообщите, если захотите.

– Извините ради Бога, я не в курсе, а что за Гуру?

– Как? – она изумилась и выстрочила по слогам уже совсем недобро: – Шрит Руджит Шанкира, я позову вас, отдохайте.

Я присел на кровати. Бесовщина какая-то, я заново попробовал сложить всё воедино: глубокий черный лес, заброшенный старый монастырь, десяток женщин, медитации и Гуру. Картинка не клеилась. В память вернулись страшные истории про Шварцвальд, что братья Гримм нам рассказали в детстве.

А вдруг всё правда?

Нет, решил я, надо уезжать и искать ночлег подальше отсюда. Я поднялся со скрипучей койки и крадучись пошел к машине.

Минут семь-восемь задним ходом, на три-четыре разворот, и гладко с горки понесло. В отель, к ближайшей деревушке. Мне лучше в ней заночевать и утром рано возвратиться.

Закапал дождик, и совсем стемнело. Вот въезд в деревню через мост, немного редких фонарей, сиротски хилые домишки, в чьих окнах мгла, и нет движений. Ни человека, ни души. Ни вывесок с призывом съесть или что-то выпить. Я

загрустил, мне перед сном хотелось пива и сосисок, корочки хлеба и горчицы. Желудок заурчал в пустой тревоге. Ну ладно, главное найти кровать, а остальное уже не так и важно.

Боясь пропустить отель, я стал внимательно вглядываться по сторонам. Передо мной плавно менялись картинки из темного средневековья. Церквушка шпилем в небо и рядом площадь вширь, ремесленная мастерская, часть древней крепостной стены и даже каменный колодец. Вокруг – немая глухота и звуки падающих капель.

Жутковато. Я нажал на кнопку плеера:

«...нет и нет, мне не до смеха,
нет окна, и дверь размыта,
ведь пытаться меня приехал
сам Великий Инквизитор...»

«Да уж, ты прямо в тему, господин Шклярский», – подумал я и в конце деревни увидел очертания старого сооружения. Вот и он, мрачный дом-фахверк с треснувшей вывеской «Gasthaus». Заросшая дорожка к входу, разбитое стекло в окне и запертые двери. Звонка я не нашел, на стук никто не отозвался.

Похоже, здесь меня не ждут. Здесь никого не ждут...

– Ау, все сдохли, пилять такой? – я матюгнулся. – Ну что за день, твою же мать, всего-то надо мне в кровать.

Я развернулся и заново въехал в деревню. Десять минут

блужданий по брусчатке, и я нашел живой над вывеской фонарь. Он освещал полуподвальное помещение с узкими дверями. Припарковав машину рядом, я заглянул в «Gaststätt».

Внутри был полумрак и пусто. Грязный пол, деревянные столы, обрубки от свечей. Они где-то горят, где-то стоят безмолвно. На стенах старые гравюры криво прибиты на глазок, и в клетку скатерти не чисты, и вонь везде, табачный смрад в обжарке квашеной капусты. Я сделал шаг, прошел вовнутрь. Там тишина.

На голос мой дверь заскрипела, и за стойкой появилась женщина. Баба-Луна. Она была неопределенного возраста с красным круглым лицом, потухшими глазами-синяками, с тонкими, как ниточка, губами – намек так на необходимый рот, и грязными седыми комками-волосами. Ее серый свитер наверняка когда-то помнил стирку, но как бы с грустью как ушедшую весну. Большими ладонями она в кулаки затерла фартук и молча посмотрела мне в глаза. Ни звука не произнесла.

– Добрый вечер, извините, – чувствуя неловкость под ее расстрельным взглядом, обратился я, – гостиница в вашей деревне, она закрыта, не работает, а мне бы где-то заночевать. Не подскажите, где можно... – я не успел договорить.

Луна-баба без всяких слов, как будто бы немая, сделала движение рукой – иди за мной – и вышла через двери. Мы прошли двадцать метров, и она остановилась у огромного фахверкового дома. Шла-шла, затормозила, встала, и даль-

ше никаких реакций. Дом был в три этажа высоких потолков, очень похоже, что построен буквой «П». В окнах темно, но не во всех. На уровне второго этажа зияли две двери, к ним лестница бетонная вела. Потертая и поэтому еле заметная вывеска над дверьми гласила: «Pension Schwarzwald». Я вопросительно посмотрел на нее и ткнул пальцем в сторону дверей: «Мне что, сюда?» – «Ja-ja, natürlich», – она закивала и подозрительно быстрым шагом вернулась к себе, захлопнув свои двери.

Делать нечего, я поднялся по лестнице и робко постучал. Потом погромче. Потом так громко, что стало больно кулакам. Послышались мне скрипы половиц, и дверь открылась.

В темноте я увидел ветхую старуху, неясно как стоявшую на ногах. К ее плечам прижался хилый плед, под ним не видно, что надето, а на ногах толстенные носки.

«Как жаль, но бабка сильно мерзнет», – пришла заботливая мысль.

– Добрый вечер. Извините, у вас сегодня мне возможно переночевать?

– Das ist Gut, sehr Gut, – видимо старуха сама себе ответила на мысли, при этом хитро-криво улыбнулась и тут же с кашлем прохрипела: – Две сотни евро за ночь и завтрак за двадцатку.

«Не хило так у нее хватка», – я онемел, стал щупать пальцами в кармане, но бабка думать даже не дала.

– Да или нет? Я закрываю двери!

– Да-да, конечно, я согласен, подождите, вот только чемодан я из машины быстро заберу!

И я чечёткой к тачке побежал...

Глава 2. Полно сюрпризов

Внутри было темно и сыро. Слева в полумраке я разглядел длинные грубые деревянные столы и такие же занозные скамейки. Справа в комнате стояло что-то наподобие регистрационной стойки, над которой висела маленькая слабая лампочка. Бабулька за стойкой стала быстро суетиться. Но странное дело, под этим слабым светом она мне показалась не такой уж древней. Вроде и морщин на лице поменьше, и спина у нее прямее, да и плед исчез куда-то. Она бодря не по годам, как будто! Я пригляделся – Боже мой! Передо мной была не бабка, передо мной была худая стройная брюнетка, которая поражала своей грацией и точностью в движениях и чем-то отдаленно напоминала зверя. Хищного зверя.

– С вас двести двадцать евро, нужны фамилия и адрес.

Я протянул визитку. Она поднесла ее под лампу и внимательно изучила.

– Так вы кто, с турфирмы, что ли? Как хорошо! Тогда я дам вам лучший номер в этом доме. До вас в нём много побывало... разных. Да-да, – Альцгеймером она уперлась взглядом в стенку, встала на паузу, потом произнесла: – В нём много разного бывало, – и тут же улыбнувшись, блеснула белыми зубами. – Поверьте мне, вам будет там уютно. Вот карточка, ваш номер двадцать-двадцать, третий этаж, дверь справа от лифта. Будут вопросы – задавайте. Звоните на де-

вятку. Всего доброго, хорошего вам вечера и приятного вам пробуждения, сэр.

Она взяла меня под руку, и сама открыла дверь в убогий лифт, который со скрежетом и стуком стал поднимать меня вверх.

Электронная карточка... «много побывало»... Откуда зубы появились? Восемьдесят пять, как в тридцать пять? «Пробуждения, сэр».

Пока я размышлял над сей метаморфозой, лифт остановился. Я вышел. Везде темно. На ощупь я с трудом нащупал ручку в дверь. Открыл ключом и свет включил, и тут же замер, не поверил – передо мной был номер люкс. Как минимум в Kempinski где-то, в какой-нибудь столи-

мой опять отказывался склеить мрачный серый вид этого дома с обстановкой комнаты. Я неподвижно глядел перед собой и боялся войти в номер.

Бесовщина.

Так простоял еще минуту, набрался сил и сделал шаг. И дверь за мной закрылась.

Люкс был огромен. На весь этаж. Делился на три зоны: гостиная, спальня, большая ванная комната. Добротная деревянная мебель пурпурного цвета, диван, два кресла вокруг овального журнального столика. На нём две вазы по концам: цветы и фрукты, а посередине запотевшая бутылка шампанского. И приготовленный фужер. Один фужер, я обратил свое внимание на это. В дальнем углу стоял высокий шкаф с хрустальной посудой и встроенным мини-баром. На стенке висела плоская плазменная панель и рядом пульт. Большая, высокая, на вид очень манящая красивая кровать. Поверх белья три шоколадки.

Зачем три?

На полу большой мягкий серый ковер. Слева от кровати ванная комната с двумя створчатыми легкими дверями. Вся ванна в черном камне. Фронтально по входу большое зеркало над раковиной, в левой части душ, за ним спрятана дверь в туалет. Справа широкая белая ванна на четырех гнутых ножках. Большие махровые полотенца, бутылочки шампуней, фен, душевая шапочка и ватные салфетки. Всё свежее, всё чистое. Я прошел дальше. На унитазах надпись: «Продез-

инфицировано».

«Такой номер никак не стоит двести двадцать», – подумал я и опустился в кресло не в силах что-либо понять. По моим самым скромным представлениям такой номер превышал десятку сотен евро. Тут на глаза попалась темно-синяя карточка. На ней витым золотым шрифтом было выведено:

«Дорогой гость, мы очень рады вашему визиту. Чтобы вечер был приятным, мы приглашаем вас посетить наш бар. Предъявив эту карточку сегодня, вы получите скидку на все напитки в размере 70% от их стоимости.

Желаем вам приятного отдыха.

11.11.11».

«Тут еще и бар есть? Вот отлично! Хотя, сегодня еще десятое ноября, – подумал я, – одиннадцатое только завтра. Прокатит карточка сегодня?»

Я поискал глазами телефон. Взял трубку и нажал девятку. – Pension Schwarzwald, служба размещения. Меня зовут Мариетта, чем я могу помочь? – ответил мне приятный женский голос.

Откуда там взялась Мариетта, и какая на хрен служба размещения? Я встал на паузу.

– Ой, извините, я из номера двадцать-двадцать. Скажите, пожалуйста, приглашительная карточка в бар сегодня вечером будет действительна?

– Конечно, сэр, карточка действительна, вы можете ей воспользоваться в любой момент, когда удобно.

– Спасибо, а где у вас бар?

– Этажом ниже, сэр, вы его легко найдете, он на весь этаж.

– Скажите, а как на лестнице свет включается? Везде темно.

– Свет горит во всём отеле, сэр.

– Спасибо большое.

Я медленно положил трубку и задумался: «Что происходит? Бар на весь этаж, номер на весь этаж, столовка с ресепшен на весь этаж. Получается, в этом доме что – всего один номер? И он двадцать-двадцать? По отельным стандартам первая цифра номера – это этаж, но я на третьем и последнем, вторая цифра – это номер комнаты на этаже, но он один. И он на весь этаж. Да и бар! Как он может существовать только для одного номера. Я еще могу понять турфирму, которая, и правда, может обслуживать только одного клиента, одну персону. Но сколько ж надо потратить гостю номера, чтобы окупить содержание бара, даже самому пьющему и богатейшему алкоголику на свете? Он окочурится за раз. Умрет в этом отеле».

Так медленно текли мои бредовые мысли. Посмотрев на себя в зеркало, я понял, что пора принять душ и отправиться в бар. Залить вопросы пивом.

Душ освежил! Костюм и чистая рубашка подняли настроение.

Перед тем как закрыть дверь и спуститься по лестнице, я поискал глазами телефон. Nokia была мертва, связи так и

нет. Ну ладно, оставим всё на завтра, и я вышел. Свет зажегся сам, широкая красивая каменная лестница вела вниз, к бару с названием тоже «Schwarzwald», то есть «Черный лес». Тавтология какая-то, я в Черном лесу, и бар «Черный лес». Ну да ладно, лишь бы наливали.

То, что я увидел, ошеломило меня ничуть не меньше, чем мой номер люкс. Бар, и правда, занимал весь этаж. Непостижимым образом он сочетал в себе бессмертную классику и современный стиль. Атмосфера здесь была глубоко интимная: темные стены, мягкий свет, высокие деревянные шкафы с книгами, и, конечно же, темно-бордовая кожаная мебель Chesterfields.

Мраморная барная стойка с металлическими подвесами вилась волной вдоль всей фронтальной стенки. За ней витрина, которой позавидовал бы принц Монако. Верхний ряд был отдан коньякам. Различной формы, но с неизменным цветом, они на вытяжку стояли, как солдаты. Тут были «Хеннеси Мастер Блендер» с квадратными плечами, «Реми Мартин Икс-О» медалью с лепестками, «Хине Антик», как сплюснутая бочка, «Курвуазье», «Ожье», «Мартель» и «Пьер Ферранд». А в самом центре в своем хрустальном одеянье на фоне бархатной коробки гордо стоял Louis XIII. Я проглотил слюну тихонько.

Ниже две роты вискарей и иже с ними водка. Виски не пью, и взгляд я перевел еще пониже, туда, где в ровный ряд различное вино стояло. Слева розовые бутылки, затем бе-

лые, затем светло-красные, затем темно-красные. Я успел понять, что все они отсортированы по странам и регионам. И везде значки с циферками. «Года урожаяев», – догадался я. Ну а под вином полка в коктейльный разнобой со всего света, много цвета, формы, и наклейки – всё смотрелось очень эффектно и заманчиво.

А по бокам, в двух освещённых нишах стояли две фигуры деревянных волков. Одна побольше – белая, другая меньше – черная. Ну, Черный лес вокруг, ну что еще сказать.

Левее центра барной стойки я увидел штук пять «гусак-ков». Пиво! Много пива!

Как хорошо!

Пространство в баре нежно заполнял красивый слог французских музыкантов. Я уловил на вкус тот необыкновенно теплый и очень точный звук из Nautilus. Колонки необычной формы эти я как-то видел, но слышать до сих пор не доводилось. Музыкальная стойка в баре была моей Мечтой из детства, что на всю жизнь мою осталась.

Сверху в отдельной нише стоял большой коричневый магнитофон. Две большие серебряные катушки приковывали взгляд. Я глазам не верил, они волшебным образом крутились. Этот аппарат я видел только на картинках. Желанный и вожденный Technics – Эльбрус оргазма меломана. О да, это он выдавал звук в такт своим завораживающим индикаторным стрелочкам. А под ним еще стояла диковинная кассетная дека. Но не простая, а студийная, от очень уважае-

мой японской фирмы. Я мог только догадываться о ценности такого аппарата. У него на половину лицевой стороны был толстый стеклянный кассетоприемник, а на вторую половину – цветной электронный дисплей. Невиданная вещь для того времени. Он гордо светился и ждал своего часа, чтобы показать, на что способен. Оба аппарата были младше меня всего-то на каких-то десять лет.

Раритет.

Ниже, в паре шел серебряный комплект усилителей. Легендарная серия. Большой серебряный дисплей под толстым сантиметровым стеклом демонстрировал две большие стрелки. Сейчас их амплитуда была невысокой.

«Звук не должен был мешать беседе», – отметил я. И рядом со всем этим достижением японской инженерной мысли стоял вертак. Проигрыватель винила. Нет, не японский, а немецкий. Серебряный красавец, как паук с толстенным и тяжелым диском на спине. Я его знаю, он тоже моя давняя мечта.

А на самом верху, над всем этим великолепием горели винтажные настенные электронные часы, точно такие, что установлены в московском метрополитене. Только имели они два ряда. Верхний показывал ход времени, а нижний дату. Сейчас они фиксировали 20:20 – 10.11.11.

«Вот это я удачно зашел», – подумал я и стал оглядываться по сторонам, где бы присесть. И тут внезапно я услышал голос.

– Присаживайтесь здесь у стойки, сэр, вам будет здесь удобно.

Глава 3. Отправная точка

Бармен! Откуда он взялся? Под стойкой, что ли, тихо он сидел?

Стройный, гибкий и явно тренированный, он был моего роста, но чуть крупнее. Немного смуглый, а может, просто загорелый с харизматичной улыбкой на устах. И непонятной расы. Не европеец, не араб, не турок вроде и уж точно не аид. Да и на русского похож он не был. Тогда откуда знает русский? Непонятно!

Его белая седина красиво завивалась на концах. На вид я дал бы ему лет сорок пять, но большие и темные глаза намекали на глубокую мудрость. Значит старше. Нос не был тонким и выпирал чуток горбинкой. В уголках губ закралась легкая, лукавая улыбка, как будто он планировал украсть мой кошелек. Одет на первый взгляд недорого. Но приглядевшись, понял – ошибаюсь. Ничто не стоит дороже элегантности, помноженной на вкус с деньгами. Светло-синяя рубашка, явно сшитая на заказ из качественного и немнущегося мягкого материала, была идеально подобрана по контуру его мускулистого тела. Черные джинсы от Brunello Cucinelli и туфли от Порше. Ремень из кожи крокодила от Stefano Ricci. И золотые толстые часы. То Panerai, конечно.

Я от кого-то слышал, что у Самого лежат в коллекции такие, хоть и цена у них не слишком велика для президента,

но ведь и аура часов – не только стоимость «котлов». Это уже легенда, миф и образ. Мечта и достижение высот. Часы сигнал, как «свой – чужой». Они как шифр – кому и с кем, и как надо общаться. Часы – любовь. Часы – идея. Часы – твой результат. «Простые бармены не могут так одеваться, – подумал я, – кто он тогда? Хозяин бара? А может быть, всего отеля?»

– А почему у стойки лучше? – спросил я и вежливо сделал шаг навстречу.

– Потому что вы пришли один и, вероятнее всего, желаете насладиться своим одиночеством. Под бокал хорошего коньяка или может под фужер вина. А если будет с кем, то и поговорить за жизнь. За барной стойкой люди разные бывают, и все без масок. Видите ли, стойка затирает статус. И часто после третьей рюмки все мы честны и откровенны. А это, знаете ли, дорогого стоит. Нечасто по душам выходит долгий разговор. За жизнь, за женщин, за шанс или удачу. Ну а если никто к вам не подсел, то есть бармен, с кем всегда можно поделиться. Ведь бармен это не только налить, подать вам выпить. Бармен это атмосфера бара, бармен это своего рода ваш читатель или психотерапевт. Бармен, если хотите, это ваше особое путешествие. Как думаете, коллега?

– Коллега? А почему коллега? – удивился я. – Я не бармен и никогда им не был.

– Мне сообщили, что вы из сферы путешествий. А путешествие – это не только самолет, отель и море. Мы-то с вами

знаем, что это понятие из резины. Вот, например, буддийские монахи. Те могут, не выходя из лотоса, путешествовать по чужим мирам, но это ведь не каждому из нас дано. Зато каждый может прийти в бар и заказать себе вина. И может под любимую мелодию закрыть глаза и...

– Отправиться в свою нирвану под алкогольными парами? – закончил за него я. – Могут, конечно, и это действительно очень увлекательно, я знаю, но только как-то примитивно, не находите? – сам того не желая, я бестактно перебил бармена.

Он замер, брови приподнял, и мне показалось, что его черные зрачки на мгновение расширились и сразу же снова сузились. Как диафрагма объектива в старом фотоаппарате. «Сфотографировал», – подумал я. В это время катушка на магнитофоне остановилась.

В бар вошла тишина и пауза. Я поёжился. Неловко как-то получилось.

– Простите за бестактность, – извинился я. – Сегодня день дурацкий, сложный, и я устал с дороги. Скажите, как могу я к вам обращаться?

– Ничего страшного, сэр, – он показал в улыбке зубы, – я сам знакомство наше затянул и вижу – вам давно пора налить. Мое имя Herr Wolf, зовите меня просто Вольф, мне так больше нравится.

«Вообще, капец, – подумал я. – Место Черный лес, бар „Черный лес“ и бармен по имени Волк! Кино и немцы!»

– Могу я предложить вино? Бургундское Grand Cru, не против?

И не дожидаясь моего одобрения, он откупорил пузатую бутылку, поднес к носу пробку, закатил глаза на вдохе, а на выдохе налил вино в фужер. Затем достал микрокассету, вложил в приемник и нажал Play. Раздался голос Marie Laforet с ее вечной мелодией «Viens, Viens», что для меня было полной неожиданностью.

«Поставил под французское вино? Наверное, здесь так заведено», – подумал я.

– Прошу, – он развернулся ко мне и поставил на стойку красивый, стреляющий искрами, хрустальный фужер.

Ну, как можно не обожать бургундское?! Если работа меня забрасывала во Францию, домой я вез семь-восемь ящиков всегда. Я аккуратно пригубил – оно было потрясающим. Волшебным. Легким. Ароматным.

Лет десять назад был в моей жизни французский период. С частотой двухтактного метронома носило меня из дома до Парижу и очень нехотя обратно. Город этот я очень любил, и жил в то время только им. Передвигаясь по Парижу, я ловил местное радио и слушал французский шансон. Возникало экстазное чувство единения с великим городом, историей которого в то время я так увлекался.

Однажды летним днем, глаза вместе с местным гидом с балкона «Трокадеро», я на выдохе воскликнул:

«О Боже, какой же классный этот город!»

«Да я вообще не понимаю, как можно жить в другом?» – подхватила мой восторг бывшая москвичка.

И тут я вспомнил свой любимый Франкфурт, но жить хотелось всё же здесь. И вот в очередной раз я как-то попал в Париж на Рождество. Город, конечно, было не узнать: туристов ноль. Все горожане по домам за праздничным столом. Машин так мало! На улицах так тихо! И рестораны все закрыты. На небе тучи, но при этом сухо и тепло. Градусов пятнадцать и это в декабре. Картинка просто нереальная.

Взял я тогда пару бутылок бургундского, пару сортов мягкого сыра, горячий багет и отправился в свой номер. Тоже тихо праздновать. Накрыл на стол, налил вина, залез в кровать под одеяло и включил телик. А там всю идет концерт. Часа на три. Всех звезд французских. Да еще каких звезд, которых все мы знаем, и тех, которых мы совсем не знаем. Дассен, Пиаф, Матье и множество других имен. И так весь вечер одна за другой звучали лирические мелодии. Ни слова не понимая, я ощущал, что эти песни о чём-то добром, настоящем, пережитом, ну и, наверное, о любви. Заканчивала концерт в тот день Marie Laforet. Я от нее не мог ушами оторваться. А песня через нерв ушла в надрыв моей души, после чего меня накрыла лирично-винная волна.

И понесло меня к Собору, увидеть службу. Но до него я двадцать метров не дошел: виолончель меня остановила. Виолончель в двенадцать ночи. На мосту Святого Людовика сидел мужчина академической наружности.

В руках держал красивый инструмент и низким баритоном тихо пел: «Не уходи, побудь со мной, здесь так отрадно, так светло...»

И тут я чуть не онемел и насмерть к камням приковался. Минут на тридцать. Продлевая его волшебное пение мелкой купюрой, я слушал французские и русские романсы.

Медленной рекой они переплетались в косы красивым голосом артиста. Наконец мой музыкант совсем замерз и

взбунтовался.

Мы обнялись и распрощались. Разошлись. Я в номер, он к себе домой. Но, кажется, для нас обоих то Рождество мгновением дарило Волшебство.

Глава 4. Шансы не имеют постоянства

– Да, красивая история, – задумчиво произнес бармен. – Как будто дома побывал сейчас. Кстати, вино того самого две тысячи второго. Прекрасный урожай выпал на этот год, я хорошо запомнил.

Я очнулся.

Фужер мой пуст был по второму разу. Не может быть, ведь я молчал, не говорил, а эти мысли – лишь памяти моей движенье. Похоже, старость иль уже болезнь?

– А откуда вы знаете, что это был две тысячи второй? Я, честно говоря, и сам точно не вспомню.

– Ну, здесь всё просто. Я живу в Париже. Ну, кто ж не помнит лето в Рождество две тысячи второго? Да и концерт я тот смотрел, он шел довольно долго, наверное, больше четырех часов.

– Ну надо же, какое совпадение! – не в первый раз сегодня я снова изумился. – Похоже, память у вас феноменальная! Разве такое может быть?

– Я тоже хочу вам сделать комплимент. Вот вы сейчас отдыхаете в баре, но из номера пришли в рубашке и в строгом костюме. Кстати, он хорошо на вас сидит. Я по идее тоже должен носить костюм на работе, но только два дня в неделю, вторые два – я должен надевать отельную ливрею, а тре-

тью пару дней – свободно, как пожелаю сам. Такой порядок здесь завел хозяин – под каждого клиента свой дресс-код. А вы, если позволите спросить, чем-то интересным занимаетесь, раз даже расслабляетесь в костюме?

– Да нет ничего интересного, к сожалению. Я обычный водитель, работаю в маленькой туристической компании. Возу важных клиентов на машине и дверь им открываю. Туда-сюда, туда-сюда.

– Ну да, ну да, обычный водитель, говорите? Туда-сюда, туда-сюда.

Мне показалось, что его черные зрачки на мгновение опять расширились и сразу же сузились.

– Что ни на есть. Водители – они такие, они не могут быть иные, – скаламбурил я.

– Как странно, а вина хорошие вы, похоже, всё же любите? Я наблюдал за вами.

– Одно другому не помеха, к тому же в Европе хорошие вина не стоят больших денег.

– Тогда у меня для вас есть один сюрприз, – он хитро улыбнулся. – Ваш президент давно когда-то совершал поездку по Бордо. И дегустировал вино в одном большом хозяйстве. Надо сказать, что очередь на будущие урожаи после этого посещения выросла у них в разы. Но купить бутылочку «Шато Шеваль-Блан» по-прежнему не так уж сложно. И я хочу вам предложить...

– Нет-нет, не стоит, я не пью такие вина, да и позволить

их себе я не могу, – не дал ему договорить я.

Он на секунду замер и брови приподнял. Внимательным взглядом он опять «сфотографировал» меня, а затем молча, не проронив не слова, достал с полки темную бутылку с белой этикеткой, на которой красовались цифра 2005 и две золотые медали. Привычным жестом вонзил свой штопор в тело пробки, дернул, поднес к носу, вдохнул и закатил глаза. «Ну и насколько ты попал сегодня, Боря?» – спросил я сам себя.

– Если вы о цене, – как будто мысли прочитал бармен, – то не стоит беспокоиться, вы же помните, у вас сегодня нерепальная скидка на все напитки. Пользуйтесь. Вы наверняка знаете, что в жизни наши шансы не имеют постоянства. А сейчас перед вами шанс, да еще какой, вы просто еще не успели его оценить. Как надо оценить, – продолжил непонятными мне намеками бармен.

Он снял со стойки новый хрустальный фужер и наполнил его на две трети, то есть вылил почти полбутылки. Явно больше, чем положено. Поставил на барную стойку и внимательно влез своим взглядом в мои глаза. Мне стало отчего-то жутковато. А он как будто решил проверить – возьму – не возьму, пойму – не пойму. Затем очень осторожно он продвинул фужер к моей руке.

– Поверьте, вы не разочаруетесь! – вкрадчивым голосом произнес бармен.

– Ну кто бы сомневался, если Он Сам не разочаровался, –

глазами я в фужер нырнул. – Кстати, я костюм почти из-за Него купил, и даже в кредит, – не совсем точно понимая, к чему это я сказал.

– Ну-ка, ну-ка, очень интересно. Это как так из-за «Него»? Я правильно понял, что из-за него, того Самого? – И он поднял глаза к потолку. – Только одна просьба, сэр, в этом баре нет политики. О чистоте души и пользе мироздания – тут хоть до самого утра, но только не об этом грязном хобби.

– О, об этом точно вы не беспокойтесь, мне по профессии о ней нельзя и думать!

Я взял бокал, понюхал, повертел немного и наконец, глотнул, точнее пригубил. Уж очень не хотелось мордой в грязь. Вино хорошее, конечно. Но всё же вино как вино, и предыдущее не хуже. Чувствуется, что много сотен евро – за бокал. «А вот, во сколько оно выйдет мне сегодня?» – опять мой мозг проснулся. Но хмель в голове уже брал свое, а кредитная карта с лимитом в две тысячи евро немного убаюкивала беспокойство. Всё это время он внимательно наблюдал за мной.

– Когда-то давным-давно, – начал я короткий свой рассказ, – после нескольких лет работы в групповом туризме «на дядю», до меня, наконец, дошло, что «дяди» ни морально, ни материально не бывают благодарны. Я решил всё поменять. Но чтоб начать что-то свое, мне нужен офис, деньги и машины. Впрочем, в VIP-туризме, где я хотел попробовать

себя, всё было важно вплоть до мелочей. Думаю, вы понимаете, о чём я. Первые попытки организовать свое дело закончились неудачно, и я устроился работать водителем в одну маленькую элитную компанию. В которой, впрочем, я и по сей день, как видите, тружусь. В общем, на второй год мне доверили дорогуший Mercedes, а на третий я чудом оказался в Париже, в одной рабочей команде и на одном важном мероприятии – книжной ярмарке, где почетным гостем была Россия.

Малым винтиком я обеспечивал передвижение по городу одному большому Дяденьке из российской правительственной делегации. Работал я с ним уже не в первый раз и успел почти сдружиться, хотя он и по сей день наводит ужас на подчиненных и врагов.

«Боренька, – обращался он ко мне по-отечески в минуты своих добрых настроений, – а поедем-ка в Елисейский Державу-Матушку сегодня представлять!»

Ну, мы и приехали прямо к нужному входу, который я часто видел только по телевизору и ни разу с открытыми воротами. И тут ему звонок на телефон: в панике два русских, я уверен, великих писателя, не смогут пожать руки двум, и я почти уверен, великим президентам. Какая-то тетя Клава где-то в отеле вредительски забыла их пропуска на этот важный для всей русской литературы торжественный прием и заодно – вручение наград французских.

«Боренька, бегом беги в „Бристоль“, в штаб Администра-

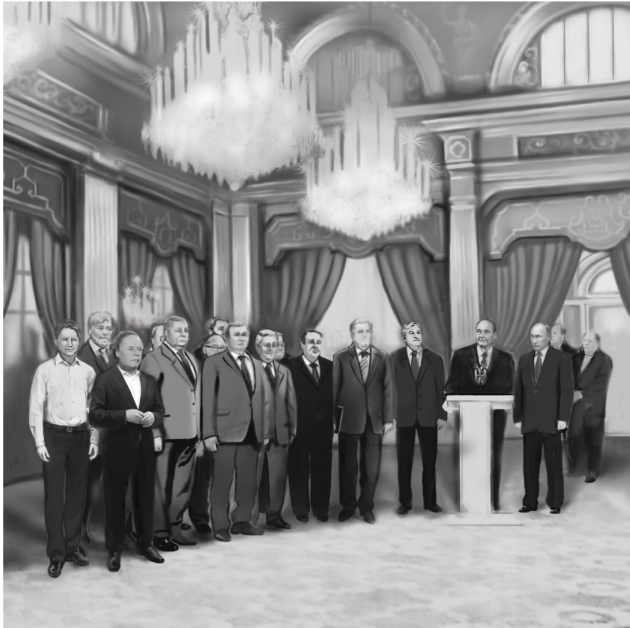
ции Самого. Передаст Передастович пропуска для них тебе передаст».

Ну, как вы знаете, «Бристоль» там всего в ста метрах – через десять минут я вернулся, но писателей уже впустили без бумаг, а караульный, проверив мои пропуска, отдал мне честь и повел в торжественный зал Елисейского Дворца. Там в самом центре стояли два президента, а в ровную шеренгу полукругом навывтяжку все двадцать или тридцать наших шелкопёров. Рукопожатия, награды, фото. Костюмы, галстуки, рубашки...

И вот, представьте, в этом вот ряду стою я – да в белой рубашке, да в галстукке, но в синих джинсах и полуспортивных туфлях.

Всё точно не по протоколу. В общем, ждать, пока президенты придут жать мне руку, я не стал и незаметно вышел... Да и спросить могли потом с меня – зачем и почему, и кто такой, а там и до беды одной рукой. Но по возвращению я всё же поехал в ателье и заказал себе хороший костюм. Вот на такой случай – дорогой, теперь его почаще надеваю и, если что: «Здравствуйте, господин Президент, я счастлив видеть вас, господин Президент!»

Мы оба дружно рассмеялись.

– Да-а, опять интересная история, – задумчиво произнес бармен. – Жаль всё же, что они вам руки не пожали. Если вы еще горите желанием не работать на жадных «дядек-тёток», такая фотография была бы вам большим подспорьем, – он сделал паузу и заново сказал намёком: – Недаром говорят, что шансы наши не имеют постоянства.

Бармен горько вздохнул, как будто сам должен был попасть на это фото, но из-за меня у него это не вышло.

– Так в каком году это было? – спросил он и взял бутылку в руку.

– В две тысячи пятом! – ответил я и вспомнил о цифре на бутылке. – Вино отличное, спасибо! Скажите, а что, вы сами тоже из России? У вас акцент почти не слышен?

– О, что вы, нет, у меня французский паспорт. А вот прабабка да, лет сто назад бежала из России. А прадед немцем был, отсюда он, из Шварцвальда. К тому же я закончил факультет технических переводчиков и знаю еще пару-тройку языков.

Глава 5. Правильный бармен

Я на минуту задумался. За шестнадцать лет жизни в Европе мне ни разу не довелось повстречаться с барменом-переводчиком, да еще и с уникальной памятью. Но состояние мое уже не располагало к поиску ответов на столь ненужные вопросы. Алкоголь, как и положено, притупил мозг, расслабил тело. А пока я лениво тащил за веревку эту мысль, бармен вытащил кассету и стал искать другую.

Чёрт возьми, как мне захотелось рока. «Мафоны из мечты должны крутить катушки только с роком», – подумал я.

– Как вы смотрите, если я поставлю что-нибудь пожестче? – через плечо спросил бармен, устанавливая на аппарат километровую серебряную бобину.

– Вот эт ништяк, прям с языка сорвали, врубайте. Да громко, если можно!

– Конечно, можно, сэр, у нас же бар, а не институт благородных девиц, – он повернулся ко мне вполоборота. – Не удивляйтесь, в моей семье говорят, читают и смотрят русское телевидение. Бабушка завещала пронести русскую культуру через поколения.

И тут из колонок мощным рифом грохнули AC/DC. Тяжелый рок, барная стойка, переводчики, вино, текила, пиво – туманом мысли заплелись и в прошлое меня метнули. Дело было как-то в Испании, куда я тогда приехал в первый

раз по работе, ну и заодно передохнуть. И там же, по работе, познакомился я с двумя отличными парнями. Они лет на пяток были меня постарше, когда-то окончили институт военных переводчиков и уже много лет с семьями проживали в Испании.

Сижу я с ними как-то раз в малюсеньком кафе на пляже, болтаем ни о чём. Испанская музыка под «Сангрию», а вокруг нас винегрет: испанцы, англичане, французы, немцы и прочие чебуреки. И все чуток косятся на непонятный наш язык.

«Простите, – тут обратился к нам седой дедушка, – а на каком языке вы разговариваете?»

А Паша ему в ответ с серьезным видом на классическом испанском:

«Мы, сеньор, из России и говорим на русском. Но если хотите, можем с вами поговорить и на испанском и английском».

И тут Серега добавляет: «И на французском, если нужно».

Ну и я свои две копейки вставил: «И на немецком тоже». Все в кафе немного притихли. А дед переспросил: «А у вас там что, в России, все люди говорят на четырех языках?» А Паша ему с самым серьезным видом: «Нет, сеньор, только те, кто учился на разведчиков!»

Все, кто прислушивались к нашей беседе стали весело смеяться этой шутке, а Паша продолжал сидеть с мертвым лицом, что-то не клеилось у него тогда с женой. И друг его

Сергея нас потянул в Hard Rock Cafe. До этого в таких кафе еще я не бывал и, как оказалось, не напрасно. Место это для меня было опасное и очень даже предсказуемое. И особенно страшное, если такое кафе стоит на море, и ты в нём получаешь коктейль из атмосферы отпускного пофигизма с пивом и обнаженных женских тел. Прибавьте сюда прыжок душевного восторга под мощь гитары AC/DC и вы получите что-то вроде гильотины. Отрыв башки, короче. Не сразу, конечно, всего-то через часок-другой.

Помнится, бармен того самого кафе через те самые часок-другой залез со мной на барную стойку, взял в руки свою воздушную гитару и так же, как и я, стал виртуозно перебирать ее невидимые струны. Наотмашь да под походку Янга, да по «Дороге в Ад»! Очнулся я от этого кайфа только тогда, когда уже весь пляж селедкой стоял в кафе и во все глотки нам с ним подпевал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.